

Становление советской власти в изображении корякского писателя Кецай Кеккетына¹

Татьяна Александровна Голованева,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН, Новосибирск.
E-mail: gta-77@mail.ru

Иван Сергеевич Полторацкий,

младший научный сотрудник Института филологии СО РАН, Новосибирск.
E-mail: ipoltora@gmail.com

Первый корякский писатель Кецай Кеккетын (1918—1939(?)) отразил в творчестве сомнения и надежды своих земляков, ставших свидетелями установления советской власти в центральном и северном районах Камчатки. К. Кеккетын стремился реалистично передать переживания очевидцев революционных трансформаций. В гуще политических событий оказался его отец, Кеккет Мейнувье: бывший малооленный батрак осваивает грамоту, становится председателем оленеводческого товарищества, страстным агитатором за советскую власть. Опираясь на рассказы отца, К. Кеккетын пишет повесть о судьбе батрака Эвныто. Главный герой является непосредственным участником установления новых порядков в кочевом стойбище оленных коряков (чавчувенов). Повесть «Эвныто-батрак» насыщена достоверными деталями бытовой и социальной жизни корякского стойбища в 1920-е гг. Неподдельным энтузиазмом, верой в светлое будущее, восторгом от осознания происходящих перемен проникнуты произведения первого корякского писателя. К. Кеккетын изображает первое знакомство оленеводов с новой властью. Для Кецай красный флаг, хлеб, кино, обучение грамоте, товарищества и артели — воплощение положительных перемен. Однако история утверждения советской власти оказалась более противоречивой и драматичной. Документы, а также корякские исторические предания свидетельствуют о трагических последствиях коллективизации: огромных потерях в оленеводстве и страшном голоде кочевого населения. Сам писатель, несмотря на свою преданность советской власти, был арестован. О его судьбе после 1939 г. ничего не известно.

Ключевые слова: камчатская литература, корякская литература, корякские писатели, Кецай Кеккетын, корякские исторические предания, коллективизация на Камчатке, установление советской власти на Камчатке.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20185) «Текст в культуре этноса как фактор сохранения идентичности народов сибирско-дальневосточного региона».

Formation of the Soviet Power in Works of Koryak Writer Ketsai Kekketyn.**Tat'yana Golovaneva**, Institute of Philology, SB RAS, Novosibirsk, Russia.

E-mail: gta-77@mail.ru.

Ivan Poltoratskiy, Institute of Philology, SB RAS, Novosibirsk, Russia.

E-mail: ipoltora@gmail.com.

Ketsai Kekketyn, the first Koryak writer (1918—1939(?)), in his works described doubts and hopes of his fellow countrymen who witnessed the formation of the Soviet power in the central and north regions of Kamchatka. K. Kekketyn tried to realistically depict the feelings of witnesses of revolutionary transformations. Kekket Meinuvye, the father of the writer, was in the center of political events. K. Meinuvye was a reindeer herdsman who managed to learn literacy, became a member of deer community and agitator for the Soviet power. Basing on the father's stories, K. Kekketyn wrote a story about the life of the herdsman Evnyto who became a part of new rules in a nomad camp of reindeer Koryaks (Chauchoven). The story "Evnyto-Herdsman" is full of details of the domestic and social life of the Koryak's camp in the 1920^s. The works of the first Koryak writer are full of enthusiasm, hopes for the bright future, delight of new changes. K. Kekketyn shows the first contact of the reindeer herders with the Soviet power. The red flag, bread, cinema, literacy, associations and artels are symbols of positive changes for Ketsai. However, the history of the Soviet power appeared to be more contradictory and dramatic. Some documents and Koryak historic legends revealed tragical events after collectivization: great losses in deer farming and famine in nomadic tribes. Despite his loyalty to the Soviet power, the writer was arrested. Nothing has been known about his life since 1939.

Keywords: literature of Kamchatka, Koryak literature, Koryak writers, Ketsai Kekketyn, Koryak historical traditions, collectivization in Kamchatka, formation of the Soviet power in Kamchatka

Социальные трансформации, инициированные революционным переворотом 1917 г., охватили всю Россию, включая отдалённые окраины государства. Коренное этническое население, проживающее на Камчатском полуострове, оказалось подвержено процессам, к которым готово не было, но которые стали неизбежны в условиях тотального государственного контроля. Окончательное утверждение советской власти на Камчатке происходит в 1924 г. Во второй половине 1920-х и в 1930-е гг. кардинально меняется традиционный хозяйственный уклад оленных коряков (чавчувенов). Прибывшие на полуостров большевики — наделённые властью начальники — устанавливали новые порядки, далеко не всегда понятные коренному населению. В годы утверждения советской власти чавчувены называли жизнь, организованную по-советски, *тойвагыһын* («новое бытие»)².

² Здесь и далее перевод с корякского Т. Голованевой, Е. Прониной.

Восприятие современниками феномена новой, советской жизни запечатлено в фольклоре, литературе и газетной публицистике. Цель данной статьи — проанализировать особенности изображения периода социальных трансформаций 1920—1930-х гг. в произведениях первого корякского писателя Кецай Кеккетына.

К. Кеккетын (1918—1939(?)) отразил сомнения и надежды своих земляков, очевидцев утверждения советской власти в кочевых стойбищах Камчатки. В гуще политических событий был его отец — Кеккет Мейнувье, — резко поднявшийся по социальной лестнице. Стремление учиться, интерес ко всему новому, восторженное принятие изменений, а также положение бедняка позволили бывшему малооленному батраку стать руководителем Воямпольского оленеводческого товарищества [15, с. 3]. «В Воямполке он был первым грамотным коряком, в годы становления Советской власти разъезжал по стойбищам, рассказывал о новой жизни, о большевиках» [16]. Отношение советской власти к судьбе Кеккета Мейнувье оказалось переменчивым: поддержка сменилась обвинением в расхищении государственных средств. В сентябре 1938 г. он был осуждён [Анкета арестованного Кекета Мейнувье от 13 сент. 1938 г. // ГАКК. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 2636. Л. 3, 17—17 об.]. О его судьбе после 1940 г. ничего не известно.

Как писал в автобиографии Кецай Кеккетын [18, с. 4], отец много рассказывал ему о переломном времени, о своих впечатлениях и сомнениях в тот период. Через личную историю безоленного батрака Эвныто, в одночасье ставшего председателем оленеводческого товарищества, Кецай Кеккетын передал историю установления советской власти в кочевых стойбищах Камчатки. В повести «Эвныто-батрак» [18] с удивительной психологической точностью изображены внутренние переживания оленевода-батрака, волей судьбы оказавшегося в гуще революционных событий. Произведение не только насыщено достоверными деталями бытовой и социальной жизни корякского стойбища в период установления советской власти, но и имеет психологически достоверную основу. Стремление реалистично передать переживания очевидцев позволило Кецаю запечатлеть особенности восприятия социальных трансформаций местным населением северных районов Камчатки.

БОРЬБА СТАРОЗАКОННИКОВ И НОВОЗАКОННИКОВ

Политическое противостояние, захватившее всю Россию в революционный период, затронуло и северные районы Камчатки. В мае 1921 г. во Владивостоке под руководством купцов Н.Д. и С.Д. Меркуловых было образовано Черносотенное правительство, а «в сентябре 1921 года меркуловское правительство подготовило с помощью Японии экспедиционный корпус во главе с особоуполномоченным Биричем для завоевания Охотско-Камчатского края» [14, с. 17]. Один из эпизодов движения белогвардейцев по кочевым стойбищам Камчатки описан Кецаем

Кеккетыном в рассказе «*Pet'vagyjny' o merkulew*» / «Старозаконники-меркуловцы» [19, с. 61—63]. Поражение белогвардейцев на Дальнем Востоке датируется ноябрём 1922 г. [14, с. 17], однако их группировки продолжали своё продвижение на север полуострова. Весной 1923 г. для устранения оставшихся на севере Камчатки белогвардейцев в Пенжинский район был направлен отряд большевиков: «13 апреля 1923 г. банда Бочкарёва была ликвидирована» [3, с. 117]. Изображаемое К. Кеккетыном столкновение меркуловцев (белогвардейского отряда под руководством Бочкарёва) и красноармейцев произошло в апреле 1923 г., Кецаю на тот момент исполнилось пять лет. Он ещё не мог являться рефлектирующим свидетелем событий Гражданской войны, но, взрослея, должен был слышать о меркуловцах от своего отца или старших родственников, которые как раз и стали очевидцами вооружённых столкновений «старозаконников» и «новозаконников». В рассказе Кецаю командиром отряда белогвардейцев является сам Меркулов: «<...> *pet'vagyjny' o gyntawlaw Rossijanqo gamga'ajavanotajtyj. Эсгьнан гьнтавтылама наковнайвьнвопнаw tumgin pyttongyjjo. „Tok, nellj qajtallajkьnegьtkь туйьк javal“, — ivi Merkulov, mejьs'ап pet'vagyjny' en. „Ekilu ajtatka, тьссантьkolaптьк туju <...>“*³ / «<...> старозаконники сбежали из России в разные далёкие земли. Они, убегая, отбирали у людей имущество. „Ну-ка, табун гоните за нами следом“, — сказал Меркулов, начальник старозаконников. „Если не погоните, истребим вас <...>“» [19, с. 61]. В действительности братья Меркуловы возглавляли самопровозглашённое Черносотенное правительство во Владивостоке и на Камчатке никогда не были.

Чавчувены относились без особенного участия к представителям воюющих сторон, не различая их между собой: «Подавляющая масса населения, особенно кочевых оленеводов тундры, оставалась в стороне от происходивших событий <...> не понимала и чуждалась новых веяний революционной эпохи» [12, с. 213]. В произведениях Кецаю Кеккетына нет упоминаний о непосредственном участии коряков в вооружённых столкновениях белогвардейцев и большевиков, более того, в его рассказе чавчувены на вопрос красноармейцев, кто велел оленеводам гнать табун, отвечают: «Наверное, ваши товарищи — меркуловцы...»⁴. Такое отождествление с меркуловцами оскорбляет красноармейца: «„Мы не меркуловцы! — воскликнул острошاپочник. — Мы новозаконные!“» [19, с. 62].

Коренное население Камчатки не понимало мотивов противостояния пришлых людей: Гражданская война воспринималась ими как война одних чужаков против других — при этом представителей противоборствующих сторон чавчувены различали по форме головного убора. Большевиков-красноармейцев в будёновках коряки именовали *ичвыпэңкэлг'у* [ičvəpəŋkəlʲu] «острошاپочники».

³ При цитировании текста на корякском языке орфографическое оформление соответствует источнику.

⁴ В связи с установленным объёмом публикации далее цитаты из оригинального корякского текста представлены только в переводе.

ОСТРОШАПОЧНИКИ

Герой повести Кецай Кеккетына батрак Эвныто, приехавший посмотреть, что за новый порядок установлен в посёлке, видит в торговой избе новых торговцев в остроконечных шапках. Писатель воссоздаёт первое впечатление оленевода от знакомства с большевиками. Сначала герой чувствует страх перед наделёнными властью «острошапочниками». Доказательством их власти являются ружьёца-револьверы, такими раньше владели «погононосцы» — начальники при царской власти: «Там [в торговой избе] стояли два человека: шапки [у них] острые и мешочки носят. Эвныто у входа остановился, потому что боялся стоявших. „Уж наверное, ружьёца носят, — стал думать, — такими в людей стреляют“» [18, с. 52—53].

Красноармейцы изначально старались расположить к себе местное население: увидев чавчувена, вошедшего в торговую избу, они дружески улыбаются, здороваясь с ним, пожимают его руку. Такое отношение начальников поражает бедняка-оленевода: «Эвныто понял: „Не бойся, мы тоже бедняки“. Эвныто стал смеяться, воскликнул: „Здорово, приятели!“ Рукой показал Эвныто на мешочек, который висел у острошапочника. Острошапочник догадался — достал из мешочка маленькое ружьёцо и хотел было дать Эвныто рассмотреть» [18, с. 53]. Дружеское отношение наделённых властью острошапочников поражает чавчувена, но абсолютным доказательством равенства становится возможность посмотреть их оружие, ведь врагу его не доверят.

Вернувшись из посёлка в родное кочевье, Эвныто, воодушевлённый дружеской встречей с большевиками, стремится убедить оленеводов принять сторону острошапочников-красноармейцев, при этом в качестве неопровержимого аргумента он приводит факт доверия оружия: «Острошапочники никогда не станут убивать вас! Очень хорошие они! Даже я вместе [с ними] разговаривал. И ружьёцо показывали, и я проверял его» [18, с. 67]. Дружеское отношение большевиков-острошапочников оказалось решающим в процессе политического самоопределения главного героя повести «Эвныто-батрак».

КРАСНЫЙ ФЛАГ

Для местных жителей, не разбирающихся в мотивах политического противоборства пришлых русских, внешним маркером произошедших изменений становится красный флаг. В повести К. Кеккетына кочевник-оленеvod, оказавшийся в посёлке после установления советской власти, в первую очередь обратил внимание на красный кусок ткани, закреплённый на крыше старой церкви: «Стал [Эвныто] приближаться [к посёлку]: на старой церкви красный лоскут ткани на шест приделан. <...> „Что же такое делаете? Зачем на дом кусок красной бумаги прилепили?“ — спросил Эвныто» [18, с. 51—52].

Спустя несколько месяцев герой снова приезжает из кочевья в посёлок Тигиль, где за это время произошло укрепление советской власти. Теперь Эвныто видит, что лоскуты красной ткани развешаны по всему посёлку: «Приблизился к Тигилю. Все дома обвешаны красными лоскутами. „Раньше здесь только на одном доме был красный лоскут...“» [18, с. 64].

Носительница корякского языка чавчувенка Е.И. Дедык (1932 г.р., уроженка с. Воямполка Тигильского района Камчатского края) в своих автобиографических рассказах также вспоминает, что к палатке, в которой обитала её семья, был прикреплен красный лоскут: «Мама быстро ставила хижину, соединяла жерди, а сверху накрывала их дырявой тканью от старой палатки. Сверху на жердях вешала красный лоскуток. „Мама, зачем это?“ Она отвечала нам: „Чтобы прохожие знали, что мы — советские люди“. Наверное, где-то на собрании слышала об этом» [4, с. 21]. В период утверждения советской власти красный лоскут, прикрепленный к жилищу, становится гарантом безопасности.

ХЛЕБ

Новая власть приходит не только с красным флагом и дружественным отношением к беднякам. Более существенным аргументом в пользу её принятия становится доступность дефицитных привозных продуктов: хлеба, чая и сахара. До утверждения советской власти муку на пароходах доставляли английская торговая фирма «Гудзон-Бей» и американская фирма «Свенсон и К^о» [8, с. 28]. В северные кочевья муку привозили исключительно редко, что было обусловлено высокой ценой на неё, а также сложностью доставки вглубь полуострова. Русские жители камчатских посёлков выпекали хлеб для своих семей. В ходе торга олениные коряки выменивали у них хлеб, взамен предлагая оленину и олени шкуры. Малооленными корякам хлеб был недоступен. В повести К. Кеккетына «Эвныто-батрак» жена бедняка жалуется своему мужу на хозяев: «Утром начинаем чаевать, достают [всё], хлеб едят — ничего мне не дают» [18, с. 20].

Обретающее силу советское правительство поставило перед собой задачу предельно ограничить влияние иностранных торговых кампаний на Дальнем Востоке. В телеграмме Народного комиссариата внутренней торговли безапелляционно заявлялось: «в этом [1924] году иностранцы не получают права на снабжение Камчатки и закупки там пушнины» [Цит. по: 17, с. 166]. В мае 1924 г. на основании решения Совнаркома Дальбюро ЦК РКП(б) было создано «Охотско-Камчатское акционерное рыбопромышленное общество» (ОКАРО), которому поручалось снабжение полуострова. В 1924 г. на Камчатке ОКАРО «было открыто несколько факторий и завезено в них большое количество продуктов» [10, с. 171]. К 1929 г. хлебозапасные магазины имелись уже в отдалённых северных корякских посёлках: Гижиге, Караге, Пенжино [2, с. 17]. Для бедняков свидетельством положительных изменений становится доступность муки

и хлеба. Так, после организации поставок продовольствия в «Охотском уезде в факториях ОКАРО кулёк муки стоил 5 рублей 50 копеек, а у частных фирм — свыше 20 рублей <...>» [17, с. 168].

Главный герой повести К. Кеккетына «Эвныто-батрак», впервые попав в столовую (её организовали для слушателей партийных курсов), был поражён обилием хлеба: «На другой день попили чай утром. Оё-ёй, [как] много хлеба!» [18, с. 70].

Сторонники советской власти — члены артелей и товариществ — имели возможность обменивать добытую рыбу на чай и хлеб. В своих рассказах корякский писатель изображает восторг артельцев от обилия вкусной еды, которой снабжает их новая власть: «Артельцы много добыли рыбы. Много запасли [себе на еду]. Остальное в Тигиль свезли, в кооператив. Оттуда привезли всякой вкусной еды и чаю» [19, с. 86]. Местное население оценивало советскую власть в том числе и по тому, какие материальные блага она могла дать. Равенство и грамота являлись сомнительными преимуществами, а вот снижение цен на муку было понятно многим. Артельцы, герои рассказа К. Кеккетына «Единоличник», убеждают единоличника Эвйичана вступить в артель: «„Лучше уж давай с нами вместе, — сказал ему бригадир артели. — Общими силами работать хорошо. Да ещё будешь брать всякие продукты из Тигиля“» [18, с. 86—87]. Кецай Кеккетын, сторонник советской власти, рисует новый мир полным изобилием и достатком, однако реальность была гораздо более драматичной.

ОБУЧЕНИЕ ГРАМОТЕ И РУССКОМУ ЯЗЫКУ

До утверждения советской власти на Камчатском полуострове отсутствовали школы, предназначенные для обучения грамоте кочевого населения. Однако более 10 школ было организовано для русских и ительменов, проживающих в посёлках [1, с. 45]. Отсутствие самих условий для обучения кочевого населения Севера и Дальнего Востока делало повсеместную безграмотность в этих районах типичным явлением. Кочевники севера Камчатки естественным образом не были грамотными, не владели русским языком, что делало советскую агитационную пропаганду неэффективной. Советская власть утверждала себя посредством агитации и официальных писем, поэтому В.И. Ленин настаивал: «пока у нас есть в стране такое явление, как безграмотность, о политическом просвещении слишком трудно говорить. Это не есть политическая задача, это есть условие, без которого о политике говорить нельзя. Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала нужно научить азбуке» [7, с. 174].

По сюжету повести «Эвныто-батрак» в отдалённые кочевья советская власть сначала приходит в виде официального письма. Так как корякские стойбища находятся друг от друга за сотни километров, то любой гость, преодолевший такое расстояние, вызывал всеобщий неподдельный интерес. Местных жителей удивляет странная цель приезжего

русского: «Какой-то русский. Какое-то письмо привёз» [18, с. 59]. Грамотных в стойбище не было, о содержании письма невозможно было и догадаться. Однако из текста повести следует, что хозяин табуна, богатый оленевод Чачоль, умел читать по-русски: «Прочту-ка письмо: „Всем батракам!“» [18, с. 63]. О новых порядках батраки узнают от своего хозяина. Пользуясь их неграмотностью, он сам утверждает себя председателем оленеводческого товарищества.

На начальном этапе языковой барьер не позволял русскоязычным агитаторам эффективно вести советскую пропаганду среди коренного этнического населения полуострова. В 1928 г. Камчатский окрисполком вынужден был признать «зависимость уполномоченных от переводчиков, через которых не всегда можно правильно передать то, что хотел бы уполномоченный» [13, с. 28].

Кардинальное переустройство социальной жизни оленеводов происходит тогда, когда в стойбища приезжают советские агитаторы, умеющие говорить по-корякски. Именно с этого момента агитационная политика большевиков становится эффективной. По сюжету повести, неожиданное прибытие в чавчувенское стойбище русского большевика, владеющего корякским языком, его агитационная речь, произнесённая по-корякски, меняют итоги выборов председателя оленеводческого товарищества [18, с. 67–68].

По мере налаживания эффективной пропаганды на корякском языке и утверждения позиций советской власти бедняки-батраки поднимаются по социальной лестнице. Этот факт точно отражён в повести: безоленный Эвныто неожиданно для самого себя становится председателем оленеводческого товарищества. Показательно, что первое, с чего начинается его председательство, — это трёхмесячная учёба на партийных курсах.

Для продвижения в жизнь обязательных к исполнению декретов советского правительства необходимо было создать штат уполномоченных властью руководителей из числа коренного населения, понимающих по-русски, умеющих читать, писать и считать. На севере Камчатки «в ноябре 1928 г. были открыты краткосрочные курсы счётных работников кооперативов, курсы длились от 3 до 4 месяцев, одновременно обучение проходило 15—20 курсантов» [2, с. 20]. Партийные курсы готовили представителей советской власти из числа малооленных и безоленных коряков. Занятия предполагали не только идеологическую подготовку сторонников социализма, но и обучение местных активистов русскому языку, письму, чтению, счёту, а также учёту обобществлённого имущества.

Кеккет Мейнувье, отец первого корякского писателя, проходил обучение на подобных курсах. Ориентируясь на его рассказы, Кецай Кеккетын воссоздаёт первые впечатления бывшего бедняка-олeneвода, приехавшего на партийную учёбу. Героя повести поражает то покровительственное отношение, которое проявляют к нему новые начальники: они здороваются с ним за руку, заботятся о его питании, стараются говорить медленно, так, чтобы он понял, при этом русскую агитационную речь начальника

переводят на корякский язык. За три месяца курсанты осваивали русский язык, грамоту, счёт, а также чёткие идеологические установки: какой была прежняя жизнь и какой она должна теперь стать.

По сюжету повести новый председатель, бывший бедняк Эвныто, прошедший обучение на партийных курсах, возвращается в родное стойбище. Он является законным председателем, т.е. формально власть принадлежит ему, но фактически никто из чавчуженов не стремится примкнуть к ставленнику большевиков. Однако Эвныто чувствует себя не только вправе, но и обязанным организовать собрание и разъяснить оленеводам положительные стороны новой жизни. В своём выступлении он рисует перспективы коллективного хозяйства, которое соответствует идеалу безбедной жизни: «Теперь [даже в дальние] кочевья в хребтах доставим муку, сахар, чай, табак, чашки и остальное. А к осени сделаем для магазина рукавицы, кухлянки, торбаза» [18, с. 78].

В круг важнейших задач советской власти входило обучение грамоте детей школьного возраста. Кецай Кеккетын был в числе первых учеников первой кочевой корякской школы, открытой 1 декабря 1929 г. Пять лет спустя он, уже будучи студентом второго курса Института народов Севера им. П.Г. Смидовича, подготовил для газеты «Инсомолец» статью о начале учёбы в кочевой школе. Условия там были далеки от тех, которые создавались для слушателей партийных курсов: «Зайдёшь в столовую, невозможно терпеть от дыма. <...> Учитель не знал корякского языка. Это объясняется тем, что с 1929 до 1932 гг. все учителя не знали корякского языка. <...> Учитель мог вести разговор только жестами. <...> Прошёл месяц — ученики немного стали понимать русский язык» [6]. Работая над составлением «Книги для чтения», Кецай Кеккетын несколько рассказов посвятил популяризации школы и обучения: «*Lygu kalejajtyŋ*» / «Лучше в школу»; «*Kalejak*» / «В школе»; «*Lyvycetgyjnyŋ*» / «Соревнование»; «*Joggyt*» / «Ёххыт» [19]. В них он представил занимательные эпизоды из школьной жизни корякских ребятишек. В произведениях К. Кеккетына, предназначенных для детского чтения, жизнь школьников наполнена интересными событиями, учитель изображён мудрым и добрым, а сама учёба — увлекательной и доступной.

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

В повести «Эвныто-батрак» хозяин табуна, богач Чачоль, пользуясь неграмотностью своих работников, в течение двух лет после утверждения советской власти остаётся руководителем оленеводческого товарищества. О новых порядках батраки узнают от него. Он намеренно идёт на обман новой власти, объявляя себя председателем: «[Если бы] раньше я председателем не стал, давно бы с нами плохо обошлись. А теперь уж второй год заканчивается, как я начал председателем быть. С этих пор

очень осторожно будем жить» [18, с. 63]. Кецай Кеккетын точно отразил историческую ситуацию первых лет установления советской власти в кочевьях, однако идеологически предвзято обосновал причины председательства богатого оленевода.

В первые два года после установления советской власти (1924—1926 гг.) руководителями оленеводческих хозяйств продолжали оставаться опытные богатые оленеводы. Их авторитет в Пенжинском районе Камчатки был настолько велик, что его вынужденно признавала даже избирательная комиссия. Так, обосновывая нежелательный исход выборов, она написала в отчёте: «председателями выбраны крупные оленеводы... Ввиду их сильного влияния среди оленеводов вывести их из состава тузсоветов невозможно» [8, с. 75]. Хозяева больших табунов пользовались огромным авторитетом, так как являлись опытными, умелыми, удачливыми в оленеводстве. В первые годы советской власти крупные оленеводы «выдвигались в Советы в силу своей общественной значимости. <...> Их авторитет был освящён традицией почитания старшего в семье и роде» [5, с. 163]. В исторических преданиях о раскулачивании коряков, записанных в 2017 г., спустя столетие после установления советской власти, сохранились образы богатых оленеводов, которые отличались своим мастерством и трудолюбием. Н.И. Тынэтэгин (1937 г.р., уроженец с. Таловка Пенжинского района) с восхищением рассказывал о богаче-оленеводе: «Вэккик — он самый богатый был. Но почему он стал богатый? У него телята-мальчишки как бычки были двухгодовалые [нastолько крупные]. Вот, где большие телята! Это ведь надо уметь так выпасать телят! Вот уж кто умел выпасать оленей!» [ПМА; зап. в г. Петропавловске-Камчатском, 17.08.2017].

Совершенно иной образ богатого оленевода создал в своей повести Кецай Кеккетын. В его трактовке богатый оленевод Чачоль воплощает собой отрицательный образ кулака, разбогатевшего исключительно за счёт эксплуатации бедняков. Такая односторонность художественного образа обусловлена шаблонным представлением феномена кулачества в ранней советской литературе: богатый оленевод Чачоль изображён К. Кеккетыном как наслаждающийся своей властью, ничего не смыслящий в оленеводстве самодур, по вине которого гибнут десятки оленей. По логике сюжета, отстранение хозяина табуна от оленеводческой деятельности сулит только положительные перемены, способствующие развитию хозяйства.

В действительности ситуация была совершенно иной. Первый этап проведения коллективизации на Камчатке (1929—1932 гг.) обернулся катастрофическими последствиями [3, с. 130]. Отстранение от руководства опытных оленеводов подорвало основы ведения оленеводческого хозяйства. Неквалифицированные председатели из бедняков не имели достаточного мастерства и опыта. Советские ветеринары, призванные помочь восстановлению обобществлённых табунов, вынуждены были констатировать ужасающий падёж оленей. Несмотря на выделяемые денежные средства, изменить ситуацию не удавалось. Бедственное положение

камчатского оленеводства открыто обсуждалось в декабре 1929 г. во время проведения Пленума по развитию сельского хозяйства Камчатки: «болезни, принимая повальную форму, уносят из табунов многие сотни и тысячи оленей. Некоторые виды домашних оленей не изучены вовсе. Ветеринарный врач Домашевич, посетивший хребты, откровенно сознался: „Я оказался бессильным, когда столкнулся с некоторыми видами домашних оленей. В ветеринарии они ещё не известны“. Теперь, когда Окрисполком отпустил средства на ветеринара-фельдшера, пленум опасается, как бы его работа не прошла впустую» [13, с. 50].

По подсчётам историка-экономиста М.А. Сергеева, за девять лет (1926—1934 гг.) Камчатско-Охотский край потерял 200 тыс. оленей [11, с. 410]. Местное население осталось без своего основного источника питания. В северные районы полуострова привозные продукты поставлялись в минимальном количестве и не могли компенсировать тотальные потери в оленеводстве. В корякских исторических преданиях до сих пор сохранились сюжеты о страшном голоде, который наступил в северных посёлках Камчатки в результате проведения коллективизации: «После того, как раскулачили, оленей отобрали, стало очень тяжело. Не осталось ни грузовых нарт, ни ездовых оленей. Старички, старухи одни остались. Шкуры, какие в юртах были, стали на еду использовать. Постепенно шерсть со шкур счищали, кожу варили и кушали. Все шкуры, что были внутри юрты, съели. А юрта ведь покрывается дымлённой. И вот, чтобы не погибнуть, начали снимать покрышки с юрты. Шерсть счищали и кожу варили. Тогда ведь совсем ничего не было, ни капканов, ни проволоки, чтобы поймать зайца или куропатку, ни муки, ни сахара — ничего не было. Приходилось кушать кожу. Буквально за два года от голода умерло много стариков» [ПМА; зап. в г. Петропавловске-Камчатском, 17.08.2017, от Николая Ивановича Тынетэгина (корякское имя *Тыңэтэгин*), 1937 г.р., уроженца с. Таловка Пенжинского района Камчатского края].

Оказавшись перед лицом тотального разорения оленеводческих хозяйств, партия была вынуждена признать, что «коллективизация осуществлялась непомерно быстрыми темпами» [3, с. 130]. В повестях и рассказах Кецай Кеккетына она представлена исключительно в положительном свете. Призывы писателя вступать в товарищества и артели наполнены верой в светлое будущее коллективизации. Однако реальность оказалась другой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социальные потрясения, захлестнувшие страну в период установления советской власти, являлись тотальными: они охватили даже самые дальние рубежи. Коренное население, проживающее в отдалённых регионах, в том числе и на территории Камчатского полуострова, невольно оказалось в гуще политических событий: борьба за установление новой

власти на местах, в отдалённых районах, была столь же рьяной, что и в центре. В этот переломный период полностью меняются социальная структура, быт, мировоззренческие установки этноса. Масштабы исторических потрясений осознаются обществом спустя годы. После раскрытия документов о политических репрессиях, о катастрофических последствиях коллективизации события первых лет установления советской власти воспринимаются как трагический период нашей истории. Однако современники воспринимали происходящие изменения несколько иначе. Неподдельным энтузиазмом, верой в светлое будущее, восторгом от осознания происходящих перемен проникнуты произведения первого корякского писателя Кецай Кеккетына. Советская власть дала ему возможность учиться в первой кочевой корякской школе, а затем — в Ленинградском институте народов Севера им. П.Г. Смидовича. Кецай Кеккетын был очарован новой властью, которая открыла ему, сыну малооленного чавчувена, невероятные возможности для духовного роста, для знакомства с русской литературой, для воплощения писательских (!) замыслов. Он переводит на корякский произведения русских классиков, пишет авторские повести и рассказы. В 1936 г. в Ленинграде тиражом 1200 экземпляров выходит первое в истории мировой литературы авторское произведение на корякском языке — повесть Кецай Кеккетына «Эвныто-батрак», в том же году опубликован подготовленный Кецаем сборник рассказов для чтения в начальной школе. Судьба корякского юноши из камчатского кочевого стойбища кажется фантастически успешной: в 18 лет он становится первым корякским писателем. В 1936 г. Кецай Кеккетын берёт отпуск по месту учёбы и возвращается из Ленинграда на Камчатку, где активно участвует в политике, становится секретарём Корякского окружкома.

Стремительный взлёт оборвался мгновенно. В 1938 г. в газете «Корякский большевик» была опубликована «Поправка»: «По вине отв. секретаря редакции т. Кецай при переводе лозунга „Пролетарии всех стран соединяйтесь“ на корякский язык допущено грубое искажение лозунга („К. Б.“ № 3 от 16 января — 38 г. № 4 от 21 января с-г.). Следует читать: „Пролетарьяв гемгенутекинев, комакалайкинетык!“⁵ Редакция» [9, с. 4]. Из протокола подсудимого Кеккета Мейнувье, отца Кецай Кеккетына, известно, что его сын также был арестован [Протокол судебного заседания Тигильского районного суда Корякского нац. округа Камчатской области от 2 сент. 1940 г. // ГАКК. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 2636. Л. 85—85 об., 86—86 об.]. Точная дата ареста Кецай и формулировка обвинения пока не установлены. О дальнейшей судьбе первого корякского писателя до сих пор ничего не известно.

⁵ В переводе Кецай Кеккетына пролетарский лозунг выглядел так: «Пролетару гэм-гэнутэкинэу, комакаллатык!». «Грубое искажение» заключалось в том, что Кецай использовал твёрдый вариант основы *пролетар-* вместо мягкого варианта *пролетарь-*, а при переводе глагола несовершенного вида «соединяйтесь» использовал форму совершенного вида, букв.: «соединитесь».

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Базанов Л.Г., Казанский Н.Г. Школа на крайнем Севере. Л.: Учпедгиз, 1939. 207 с.
2. Бубнис Г.К., Нефёдова С.П. Социалистические преобразования в Корякском автономном округе. М.: Наука, 1981. 137 с.
3. Гурвич И.С., Кузаков К.Г. Корякский национальный округ (очерки географии, истории, этнографии, экономики). М.: АН СССР, 1960. 303 с.
4. Дедык Е.И. Жизнь прекрасна всегда (Судьба чавчувенки) / сост., предисл. Т.А. Голованевой. Петропавловск-Камчатский: ООО «МС», 2016. 216 с.
5. Зибарев В.А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917—1932 гг.). Томск: ТГУ, 1968. 334 с.
6. Кеккетын К. Первая корякская кочевая школа // Инсовец. 1934. 28 нояб. С. 4.
7. Ленин В.И. Второй враг — безграмотность // Ленин В.И. Полное собр. соч. Изд. 5-е. М.: Госполитиздат, 1970. Т. 44: Июнь 1921 — март 1922. С. 174.
8. Мухачёв Б.И. Советы Северо-Востока СССР в период социалистической реконструкции народного хозяйства (1926—1936 гг.). Магадан: Госиздат, 1987. 190 с.
9. Поправка // Корякский большевик. 1938. 28 янв. С. 4.
10. Севильгаев Г.Ф. Очерки по истории просвещения малых народов Дальнего Востока. Л.: Просвещение, 1972. 423 с.
11. Сергеев М.А. Народное хозяйство Камчатского края. М.; Л.: АН СССР, 1936. 819 с.
12. Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. Л.: АН СССР, 1955, 569 с.
13. Советы Северо-Востока СССР (1928—1940 гг.): сб. док. и материалов. Магадан: Госиздат, 1979. Ч. 1. 287 с.
14. Соколова М.В. Борьба трудящихся крайнего Северо-Востока под руководством Коммунистической партии за установление и упрочение Советской власти (1917—1923 гг.). М., 1959. 60 с.
15. Стебницкий С.Н. Kalejыльjон. Перевод на русский язык. М.; Л.: Учпедгиз, 1936. 66 с.
16. Тке К.А. Пропагандист новой жизни // Корякский коммунист. 1979. 6 сент. С. 4.
17. Флеров В.С. Строительство Советской власти и борьба с иностранной экспансией на Камчатке (1922—1926 гг.). Томск: ТГУ, 1964. 288 с.
18. Qeccaj Kekketyн. Ewъыто val'an. Paпenatъып = Кецай Кеккетын. Эвныто-батрак. Рассказ на корякском языке / ред. С.Н. Стебницкий. Л.: ЦК ВЛКСМ, 1936. 78 с.
19. Qeccaj Kekketyн. Kalejыльjон = Кецай Кеккетын. Книга для чтения / ред. С.Н. Стебницкий. М.; Л.: Учпедгиз, 1936. 104 с.
20. ГАКК (Гос. арх. Камчатского края).
21. ПМА (Полевые материалы Т.А. Голованевой).

REFERENCES

1. Bazanov L.G., Kazanskiy N.G. *Shkola na kraynem Severe* [The School in the Far North]. Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1939, 207 p. (In Russ.)
2. Bubnis G.K., Nefedova S.P. *Sotsialisticheskiye preobrazovaniya v Koryakskom avtonomnom okruge* [Social Transformations in the Koryak Autonomous Region]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 137 p. (In Russ.)

3. Gurvich I.S., Kuzakov K.G. *Koryakskiy natsional'nyy okrug (ocherki geografii, istorii, etnografii, ekonomiki)* [The Koryak Autonomous Region (Geographic Essays, Stories, Ethnography, Economy)]. Moscow, AN SSSR Publ., 1960, 303 p. (In Russ.)
4. Dedyk E.I. *Zhizn' prekrasna vseгда (Sud'ba chavchjuvenki)* [Life is Always Beautiful (The Life of a Chauchoven Girl)]. Comp., introd. by T.A. Golovaneva. Petropavlovsk-Kamchatskiy, OOO "MS" Publ., 2016, 216 p. (In Russ.)
5. Zibarev V.A. *Sovetskoye stroitel'stvo u malykh narodnostey Severa (1917—1932 gg.)* [Soviet Development among Indigenous Peoples of the North (1917—1932)]. Tomsk, TGU Publ., 1968, 334 p. (In Russ.)
6. Kekketyn K. Pervaya koryakskaya kochevaya shkola [First Koryak Nomad School]. *Insovets*, 1934, November 28, p. 4. (In Russ.)
7. Lenin V.I. Vtoroy vrag — bezgramotnost' [Second Problem — Illiteracy]. Lenin V.I. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete Works]. The 5th edition. Moscow, Gospolitizdat Publ., vol. 44: June 1921 — March 1922, p. 174. (In Russ.)
8. Mukhachev B.I. *Sovety Severo-Vostoka SSSR v period sotsialisticheskoy rekonstruktsii narodnogo khozyaystva (1926—1936 gg.)* [The Soviets of the North-East of the USSR during the Period of Social Reconstruction of National Economy (1926—1936)]. Magadan, Gosizdat Publ., 1987, 190 p. (In Russ.)
9. Popravka [Amendment]. *Koryakskiy bol'shevik*, 1938, January 28, p. 4. (In Russ.)
10. Sevil'gayev G.F. *Ocherki po istorii prosveshcheniya malykh narodov Dal'nego Vostoka* [Essays on Education of Indigenous Peoples of the Far East]. Leningrad, Prosvyashenie Publ., 1972, 423 p. (In Russ.)
11. Sergeyev M.A. *Narodnoye khozyaystvo Kamchatskogo kraya* [National Economy of the Kamchatka Region]. Moscow, Leningrad, AN USSR Publ., 1936, 819 p. (In Russ.)
12. Sergeyev M.A. *Nekapitalisticheskii put' razvitiya malykh narodov Severa* [Non-capitalistic Way of Development of Indigenous Peoples of the Far East]. Leningrad, AN SSSR Publ., 1955, 569 p. (In Russ.)
13. *Sovety Severo-Vostoka SSSR (1928—1940 gg.): sbornik dokumentov i materialov* [The Soviets of the North-East of the USSR (1928—1940). Collection of Documents and Materials]. Magadan, Gospolitizdat Publ., 1979, part 1, 287 p. (In Russ.)
14. Sokolova M.V. *Bor'ba trudyashchikhsya kraynego Severo-Vostoka pod rukovodstvom Kommunisticheskoy partii za ustanovleniye i uprocheniye Sovetskoy vlasti (1917—1923 gg.)* [Workers Struggle from the Far North-East for Establishment and Consolidation of the Soviet Power Led by the Communist Party (1917—1923)]. Moscow, 1959, 60 p. (In Russ.)
15. Stebnitskiy S.N. *"Kalejбльjon"*. *Perevod na russkiy yazyk* ["Kalejбльjon". Translation into Russian language]. Moscow, Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1936, 66 p. (In Russ.)
16. Tke K.A. Propagandist novoy zhizni [Propogandist of a New Life]. *Koryakskiy communist*, 1979, August 6, p. 4. (In Russ.)
17. Flerov V.S. *Stroitel'stvo Sovetskoy vlasti i bor'ba s inostrannoy ekspansiyey na Kamchatke (1922—1926 gg.)* [Formation of the Soviet Power and Struggle against Foreign Expansion in Kamchatka (1922—1926)]. Tomsk, TSU Publ., 1964, 288 p. (In Russ.)
18. Qeccaj Kekketъn. *Евнъто val'an. Panenatъnъn* [Evnyto-Herdsman. A Story in Koryak Language]. Ed. by S.N. Stebnitskiy. Leningrad, CK VLKSM Publ., 1936, 78 p. (In Koryak)
19. Qeccaj Kekketъn. *Kalejбльjon* [Book for Reading]. Ed. by S.N. Stebnitskiy. Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1938, 62 p. (In Koryak)